

Категория субъекта и формирование субъективации в постмодернистском дискурсе

В данной статье рассматриваются вопросы интерпретации категории субъекта, в целом, и субъекта-женщины, в частности, в постмодернистском дискурсе. Современные подходы к представлению о субъектно-объектной дихотомии в теоретическом поле постмодернизма позволяют по-новому взглянуть на проблему репрезентации женщины-субъекта в философской мысли. Целью статьи является рассмотрение связи постмодернистского дискурса с нарративом женской субъективации. Следует отметить, что в работах отечественных исследователей гендера вопросам репрезентации женской субъективности в отрыве от мужской субъективности почти не уделяется внимание, а акцент в уже существующих работах ставится на рассмотрении категории субъекта в социальном, политическом или психологическом планах. Статья может представлять интерес в исследовании субъекта-женщины и анализе женского дискурса в философском поле постмодернизма.

Ключевые слова: субъект, постмодернизм, женщина, субъективация, бинаризм, сексуальность, «Другой».

У статі розглядаються питання інтерпретації категорії суб'єкта в цілому та суб'єкта жінки зокрема у постмодерністському дискурсі. Сучасні підходи до уявлення про суб'єктно-об'єктну дихотомію у теоретичному полі постмодернізму дозволяють по-новому поглянути на проблему репрезентації жінки-суб'єкта у філософській думці. Метою статті є розгляд зв'язку постмодерністського дискурсу з нарративом жіночої суб'єктивації. Слід відмітити, що у роботах вітчизняних дослідників гендеру питанням репрезентації жіночої суб'єктивності у відриві від чоловічої суб'єктивності майже не приділяється уваги, а акцент в уже існуючих роботах ставиться на розгляді категорії суб'єкта у соціальному, політичному чи психологічному планах. Стаття може становити інтерес у дослідженні суб'єкта-жінки та аналізі жіночого дискурсу у філософському полі постмодернізму.

Ключові слова: суб'єкт, постмодернізм, жінка, суб'єктивація, бинаризм, сексуальність, «Інший».

The article deals with the problems of the interpretation of the category of subject in general and the feminine subject in particular in the postmodern discourse. The modern approaches to the representation of the subject-object dichotomy in the theoretical postmodern field make it possible to look at the problem of the feminine subject representation in philosophy in a new way. The purpose of the article is to consider the connection between the postmodern discourse and the narrative of the feminine subjectivity. It should be noted that the Ukrainian gender researchers pay little attention to the problems of the feminine subjectivity representation without the masculine subjectivity. The emphasis in the existing papers is being made on considering the category of subject in social, political or psychological areas. The article can be interesting for researching the feminine subjectivity and analyzing the feminine discourse in the postmodern philosophy.

Key words: subject, postmodernism, woman, subjectivity, binarism, sexuality, "Other".

Введение. В современных условиях формирования новой парадигмы общественного развития, для которой человеческая жизнь является приоритетом, исследования субъекта привлекают внимание представителей самых разных областей гуманитарного знания, что, безусловно, свидетельствует о междисциплинарности философского подхода к проблеме. Возобновление интереса к теориям о субъекте в конце XX – начале XXI вв. можно объяснить целым рядом причин, среди которых немаловажное место занимают изменения ценностно-смысловых взаимосвязей в обществе, вызванные процессами глобализации

и затрагивающие основообразующие философские понятия постмодернизма, колоссальное влияние которого на становление философской мысли последних десятилетий невозможно переоценить [1, с. 8].

Следует отметить, что исследователи проблем гендера стремятся обновить базовые социокультурные, философские и политические понятия. В основе их методологии, без всякого сомнения, лежит междисциплинарный синтез, который дает гуманитарным наукам огромный потенциал. Исследовательницы гендера подчеркивают тот факт, что «установка на принцип междисциплинарности не отменяет определенной дифференциации гендерных исследований, а скорее предполагает поиск новых общих оснований теоретического дискурса – «текста» в контексте постоянно изменяющейся современности» [2].

Основная часть. В условиях постмодернистского дискурса подвергаются пересмотру и изменению ключевые понятия и гендерного дискурса. Одними из таких понятий выступают понятия субъекта и субъективности. Как известно, классическая модель субъективности, в основе которой лежит понятие рационального, целостного и самотождественного субъекта, выделяет определенные гендерные характеристики в структуре самого субъекта [2]. Большая часть гендерных различий, которые традиционно рассматривались в качестве биологических, возникают в результате специфики социализации пола, являясь социокультурным конструктом, а не природно-биологической данностью. В западноевропейском философском мышлении, анализируя бинарную оппозицию разум/тело, исследователи ассоциируют разум с такими характеристиками, как духовность, сознание, рациональность, активность, а телу приписывают такие характеристики, как чувственность, бессознательность, иррациональность, пассивность.

Интересной представляется позиция представителей феминистской критики, которые, придерживаясь точки зрения французского философа С. де Бовуар, утверждают, что в традиционном смысле под субъектом понимается не абстрактный субъект, а вполне определенный – «белый мужчина среднего класса», чей «мужской» опыт и является содержанием его «абстрактности» [3]. Теория С. Бем о «линзах андроцентризма» в современном культуральном дискурсе свидетельствует о том, что мужской опыт воспринимается как нейтральный стандарт или норма, а женский опыт рассматривается как отклонение от этой нормы, обусловленное спецификой пола. Следовательно, делается вывод о том, что с мужчиной принято обращаться как с человеком, а с женщиной – как с «Другим» [4, с. 34].

Украинская исследовательница гендера И. Жеребкина выделяет так называемую «логическую структуру «Другости» при конструировании различных практик субъективации. По мнению Жеребкиной, образ «Другого» в качестве равноценного субъекта культуры может служить началом репрезентации альтернативных, а именно, женских ценностей в традиционной западноевропейской культуре [5, с. 31]. Следует однако отметить, что исследовательница не рассматривает особые группы и классы «иных» женщин (лесбиянки, проститутки и т.д.) в качестве составляющих самой категории «женщина», поскольку вышеупомянутые группы могут угрожать стабильной идентичности и единству логической конструкции женской идентичности [5, с. 33].

Большинство феминистских теоретиков так или иначе оперируют понятием «женщина», которое в качестве идентификационной категории, с одной стороны, задает собственные интересы и цели внутри самого феминистского дискурса, а, с другой стороны, – создает субъект, который должен быть представлен в социальной и политической сфере [6]. Важным представляется замечание, сделанное многими исследователями гендера, о том, что недопустимым упрощением было бы рассмотрение «субъективности» женщин в устойчивых или постоянных терминах (Дж. Батлер, Т. Чантер, Г. Спивак, К. Уитбек и др.).

В начале 80-х годов в противовес общепринятому утверждению о том, что определенные анатомические отличия лежат в основе социальных отличий, американская исследовательница Э. Джаггер поставила под сомнение идею четкого разделения между природой и культурой [7, с. 103-113]. Вопрос об отличиях между «полом» и «гендером» является в настоящее время чрезвычайно важным в исследованиях женской субъективности и вызывает множество вопросов в философских кругах. Одной из проблем является утверждение о данности категории «пола», на который не влияет общественная практика. Наряду с этим утверждением исследователи выдвигают тезис о том, что все «биологические» или «природные» отличия между женщинами и мужчинами созданы искусственно обществом, и, следовательно, могут быть с легкостью изменены. Дж. Скотт пишет о том, что «... из этого следует, что гендер является общественным упорядочением половых отличий. Но это не означает, что гендер отображает или реализует фиксированные и природные физические отличия между женщинами и мужчинами; скорее, гендер – это знание, которое устанавливает суть значения половых отличий» [8, с. 2].

В конце 80-х – начале 90-х годов многие исследователи говорили о нецелесообразности идеи отличий между терминами «пол» и «гендер», поскольку «пол» сам по себе является социальной составляющей и неотъемлемой частью гендера. Л. Николсон пишет о минимизации отличий между женщинами, о тенденциях гомогенизации опыта и положения женщин как о результате такого разделения [9, с. 320].

Влиятельнейший американский философ Дж. Батлер утверждает, что существует параллель между тем, как мы думаем о поле, и тенденцией приспособлять или постулировать женщину как основную и неизменную, придуманную или дискурсивную категорию [6]. Пол считают природной, биологической и телесной особенностью, необусловленной политикой или культурой. Однако, по мнению Батлер, пол определяется особым характером утверждений, вовлеченных в феминистический дискурс, который сам не является свободным от гетеросексуальных, расовых и классовых предрассудков, способствующих структурированию и поддержке статус-кво, против которого феминизм выступает, но с которым все еще связан [6].

По мнению исследователей гендера, постмодернистская теория субъекта сыграла весьма важную роль в теориях феминистской философии, разрабатывающих понятие женской субъективности. Властные практики производства гендерно-маркированной субъективности в теории власти М. Фуко, концепции сексуальности и желания в постмодернистской философии Ж. Делеза, Ф. Гваттари и психоанализе Ж. Лакана играют важную роль в определении структуры гендерной субъективности, которая пытается отойти от классических идентификационных норм.

Важно отметить, что постмодернистские теории субъективности способствовали выдвижению новых логических обоснований в рассмотрении проблемы субъекта. Философы отмечают тенденции общего изменения эпистемологии субъективности и перехода от классической, просветительской, модели субъективности к постклассической, которая представляет собой множественную и децентрированную структуру субъективности, которая включает чувственные, телесные характеристики, традиционно ассоциируемые в философии и культуре с понятием фемининного [10]. Субъект, по мнению философов-постструктуралистов, постоянно сопротивляется пониманию себя как «мыслящей вещи», заявляя о своей чувственности, телесности, иррациональности. Он стремится «сойти с ума», перестать быть «мыслящим», и только жесткие насильственные формы власти могут заставить его оставаться «мыслящим». Ученые подчеркивают важность роли постмодернистских теорий субъективности в обосновании общего

антропологического изменения структуры субъективности в сторону утверждения феноменов «Другости» в культуре. Такое изменение позволяет говорить о репрезентации женского как «Другого» в современных философских исследованиях, а также об обосновании выделения параметров телесности как приоритетных в новой неклассической модели субъективности [10].

Одну из главных задач философского феминизма некоторые ученые-постмодернисты видят в реконструкции положения женщины в качестве субъекта, которая так или иначе связана с идеей децентрации субъекта. Как известно, свой выдающийся вклад в разработку идеи децентрации субъекта внес французский философ М. Фуко, заявив, что именно прерывность или «методологический принцип» децентрировали субъект по отношению к «законам его желания» [11, с. 15]. Для Фуко бесспорно, что человек не способен объяснить ни свою сексуальность, ни бессознательное, ни управляющие им системы языка, ни те мыслительные схемы, на которые он бессознательно ориентируется.

Разрушение доктрины бинаризма также является ключевым при рассмотрении вопроса о субъективности. Согласно утверждениям Ж. Деррида, стандартная метафизическая практика объясняет мир, используя бинарную оппозицию, один из терминов которой занимает приоритетную позицию; второй термин бинарной оппозиции обычно рассматривается как второстепенный. Именно посредством стратегии оппозиции и приоритета метафизическое мышление репрессирует все то, что подрывает его основополагающие принципы [12]. Следует отметить, что в европейской культуре, построенной вокруг бинарной оппозиции «мужчина/женщина», женщина всегда фигурирует как негативный, незначительный второй элемент оппозиции. В результате вся западноевропейская философия оперирует однотипным концептом женщины, которая является менее разумной, менее сильной морально, сфера деятельности которой ограничена семьей и бытом, и которая не пригодна для публичной сферы, а именно политики и управления [13]. Необходимо заметить, что вся западноевропейская культура основана на понятии «человек», и этот человек мужского пола. Андроцентризм внедрен в дискурс культуры, общественные институты и психику людей. Критикуя дихотомии, отражающие фундаментальную оппозицию «мужское-женское» в русле оппозиций «Я-Другой», «субъект-объект», «доминирование-подчинение», исследователи гендера призывают отказаться от дуалистической оппозиционной модели, предлагая вместо нее модель, основанную на отношениях дифференциации.

Следует отметить, что постмодернизм с самого начала недоброжелательно относился к субъекту. Прежде всего постмодернисты были «озабочены» чрезмерной субъективацией и подверженной многим рискам объективацией. Бесспорно, для исследователей конца 60-х – 70-х годов главным был их скептицизм по отношению к метанарративам модерна, главным из которых является метанарратив Духа и Истины. В обвинениях, прозвучавших в адрес постструктуралистов и постмодернистов, существенным было обвинение в релятивизме (А. Солал, Дж. Бриман и др.). Но деконструкция была направлена не только на «объективный» мир. Постмодерная деконструкция метанарративов означала, что «самый великий» метанарратив, нарратив самого Субъекта, не может оставаться нетронутым.

Как известно, структуралистский тезис децентрации субъекта представлен в философском проекте М. Фуко. Субъект, не являясь уже ни инертным объектом, ни «вещью среди вещей», больше не способен к безграничному самосознанию. Таким образом, по Фуко, субъект оказывается одновременно и «местом заблуждения», и источником «напряженного призыва к познанию и самопознанию». Субъект больше не способен полностью понять механизмы языка, на котором он говорит, осознать себя как живой организм, идентифицировать себя как источник труда. [11, с. 236].

Согласно М. Фуко, человек является спекулятивным элементом господствующей в современных западных обществах формы власти, которая функционирует при помощи исповедальных и дискурсивных практик. Рассматривая женщину как маргинальный субъект, который репрезентируется в культуре исключительно через дискурс вины, философ связывает практики языкового признания преступника, заключенного и больного как традиционных носителей «дискурса вины» с особенностями функционирования женского дискурса и языка. Представляется важным утверждение Фуко о том, что «мужская логика» не может признать женскую субъективность, «безумную женскую инаковость», с присущим ей способом телесного бытия и восприятия в культуре. Фуко считает, что женщине в качестве маргинального субъекта в культуре оставлено место «признающей субъективности», и только после проведения процедуры тщательной цензуры того, что говорит «признающаяся женщина», может сформироваться весь ряд женских социальных идентификаций. Фуко обращает особое внимание на то, что дискурс признания в культуре является всегда дискурсом вины, и что «идеальной» фигурой воплощения вины в истории является именно женщина [14, с. 491]. Важным представляется также утверждение о том, что «признающаяся женщина» является не только объектом власти, но и субъектом языка. Женский телесный язык как язык признания оказывается особым явлением, где становится невозможной любая индивидуация, тем особым женским способом существования, лишившись которого, женщина просто погибает.

Заключение. Таким образом, все выше изложенное позволяет сделать следующие выводы. Фундаментальные перемены в теоретическом поле философии постмодернизма, произошедшие за последние несколько десятков лет, демонстрируют тенденцию к нормализации изменений на концептуальном уровне при решении проблем, связанных с интерпретацией женской субъективности. Концепция фаллоцентризма/логоцентризма западноевропейской философии определяет «Другого» в качестве необходимого условия конструирования субъекта. В традиционный концепт «единого» субъекта философы-постмодернисты предлагают включить «Другого», наряду с концептами плюральности. Признавая важность эссенциалистского подхода в вопросе изучения природы женской субъективности, ученые отмечают необходимость учитывать социальные нормы, принятые на данный момент в обществе и рассматривать расхождения между мужским и женским как непостоянную и постоянно изменяющуюся категорию. Путем представления женщины в качестве маргинального субъекта, который репрезентируется в культуре исключительно через дискурс вины, исследователи-постмодернисты пытаются дать объяснение особенностям функционирования женского дискурса, предполагая, что «мужская логика» не может признать женскую субъективность с присущим ей способом телесного бытия. При этом «признающаяся» женщина рассматривается не только как объект власти, но и как субъект языка.

Список литературы

1. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. – М.: Астрель, 2012. – 320 с.
2. Власова Т.И., Скиба Э.К. Гендер и феминистская теория в философии постмодерна / Т.И. Власова, Э.К. Скиба. – Дн-вск: Изд-во Маковецкий, 2011. – 124 с.
3. Бовуар С. де. Второй пол / С. де Бовуар. – М., СПб.: «Прогресс», «Литера», 1997. – 832 с.
4. Бем С. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 336 с.
5. Жеребкина И. Гендерные 90° или фаллоса не существует / И. Жеребкина. – СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.
6. Butler J. Gender Trouble / J. Butler. – N.Y., London: Routledge, 1991. – 221 p.
7. Jaggar A.M. Feminist Politics and Human Nature / A.M. Jaggar. – Totowa, NJ: Rowman and Littlefield Publishers, 1988. – 416 p.
8. Scott J. Gender and the Politics of History / J. Scott. – Columbia University Press, 1999. – 242 p.
9. Ніколсон Л. Гендер. // Антологія феміністичної філософії / Л. Ніколсон. – К.: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2006. – 799 с. – С. 318-328.

10. Romin W. *Tafarodi Subjectivity in the Twenty-First Century: Psychological, Sociological, and Political Perspectives* / W. Tafarodi Romin. – Cambridge University Press, 2013. – 257 p.
11. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб.: «Гуманитарная Академия», Университетская книга, 2004. – 416 с.
12. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – М.: Академический Проект, 2007. – 495 с.
13. Власова Т.И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии: Монография / Т.И. Власова. – К.: Генеза, 2006. – 296 с.
14. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. – М.: АСТ, 2010. – 698 с.